8РФ
С 421

СКАЗИТЕЛИ-ОРДЕНОНОСЦЫ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ

1392

КАРГОСИЗДАТ
1939

H

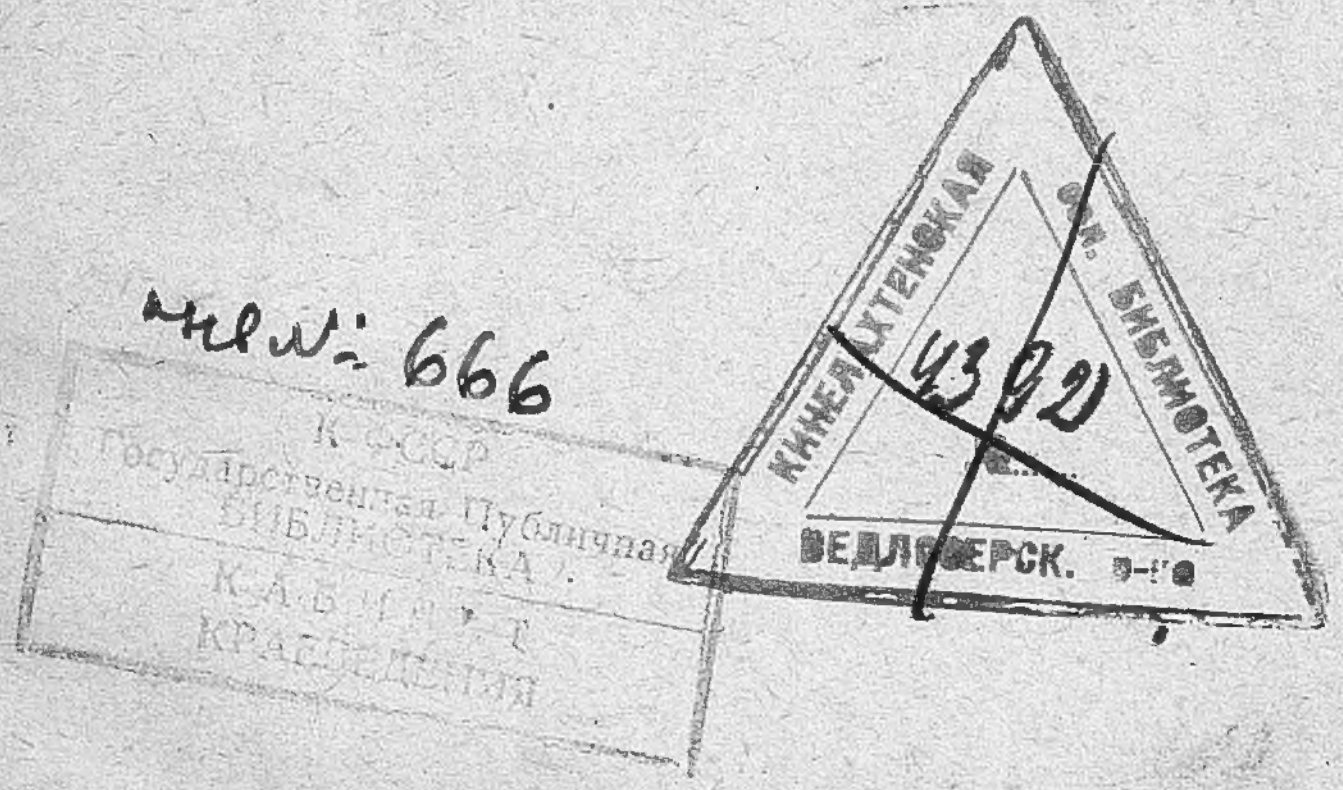
8РФ
С421

КАРЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРЫ

~~398(47.20)~~
С-421

СКАЗИТЕЛИ-ОРДЕНОНОСЦЫ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ

Ф. А. КОНАШКОВ, М. М. КОРГУЕВ,
П. И. РЯБИНИН-АНДРЕЕВ



КАРЕЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОЗАВОДСК 1939

1998

ОТ РЕДАКЦИИ

Владимир Ильич Ленин в статье «Итоги партийной недели в Москве и наши задачи»*) писал:

«Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе».

Большевистская партия и правительство за годы советской власти провели грандиозную работу по выполнению указаний В. И. Ленина.

Социализм пробудил творческие силы трудовых масс. Только в нашей свободной стране таланты из народа пользуются такой любовью и почетом.

Советское правительство, партия и лично товарищ Сталин проявляют к ним поистине отеческую заботу, создавая все условия для их дальнейшего творческого роста.

Награждение орденом «Знак Почета» лучших сказителей Карелии — Федора Андреевича Конашкова, Матвея Михайловича Коргуева, Петра Ивановича Рябинина-Андреева — яркий пример этому.

---

*) Ленин, Сочин., 3 изд., т. XXIV, стр. 491.

Трудящиеся Карелии гордятся высокой наградой своих талантливых певцов. Эта награда вызовет еще больший расцвет творческих сил карельского народа, строящего вместе с другими национальностями Советского Союза счастливую жизнь под великим знаменем Ленина — Сталина.

Сборник, выпускаемый Карельским Научно-Исследовательским Институтом Культуры, ставит своей целью ознакомить широкий круг читателей с отдельными произведениями сказителей-орденоносцев.

ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ КОНАШКОВ

Отец умер, когда мальчику было полтора года. До семи лет он воспитывался у деда.

— Просили дедушку отдать меня учиться грамоте, — рассказывает Ф. А. Конашков, — а дедушка на это ответил: «Не отдам я в ученье своего внука — за уши рвать. Мой внук и неграмотным будет на поляну навоз возить». Так и остался неграмотным. За это дедушку нечем хорошим поминать.

Рано началась трудовая жизнь Федора Андреевича. Двенадцати лет он уже возит лес для лесопильного завода Русанова, летом работает у купцов.

В роду Конашковых искусство сказывания былин переходило из поколения в поколение и ведет свое начало, по словам сказителя, со времени Ивана Грозного. Федор Андреевич перенял былины от своего дяди — Василия Степановича Конашкова, — который знал много былин и любил их петь.

Первый собиратель посетил Федора Андреевича в 1893 году, однако лишь после Октябрьской революции мастерство сказителя стало широко известным. Его часто приглашали в Москву, Ленинград, Петрозаводск, где он знакомился с достопримечательностями

этих городов и пел свои былины. Талантливый народный певец стал известен в нашей стране и за ее пределами.

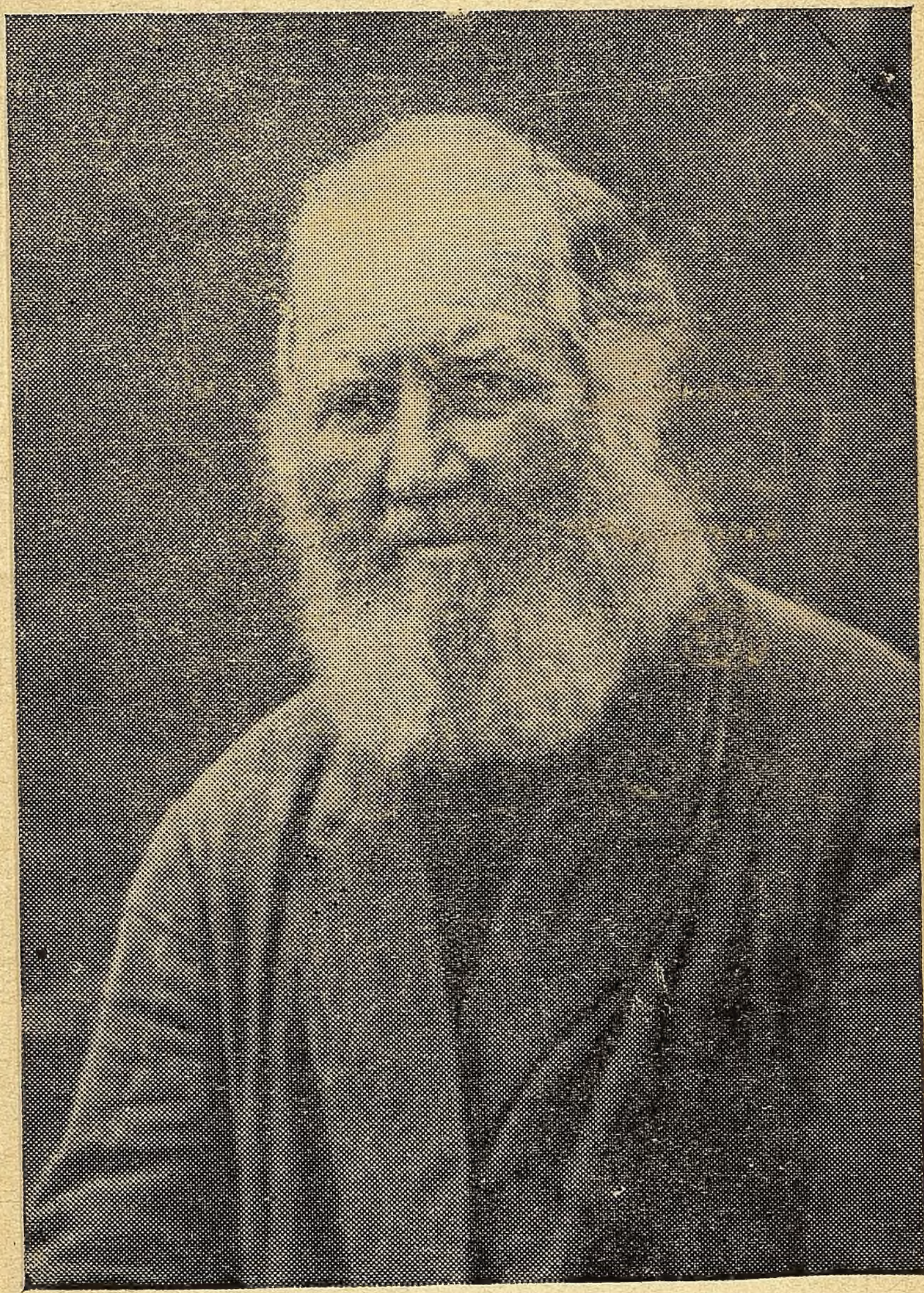
Былины Федора Андреевича Конашкова представляют замечательное явление в истории народного эпоса. Народ, сложивший былины о богатырях, пел гимн своей силе и мощи, а такие мастера, как Конашков, владея художественным словом, совершенствовали эти былины и делали их широко известными. Красивы и разнообразны былины Федора Андреевича, в них поется о славных русских богатырях, храбро защищавших свою родину.

В репертуаре сказителя имеются также былины на шутливо-бытовые темы и сказки.

Сказок от Федора Андреевича записано немного, но они интересны тем, что в них проявилась любовь к шутке, свойственная для Конашкова, и они в значительной мере представляют его собственное творчество.

Федору Андреевичу Конашкову сейчас 78 лет, и тем знаменательнее факт, что он на склоне лет обрел в себе силы и запел по-новому. Замечательный исполнитель былин, он стал сам сочинять, стал петь о лучших людях современного человечества — Ленине, Сталине, Кирове, Ворошилове.

Федор Андреевич Конашков является большим мастером художественного слова.



1

САМОЕ ДОРОГОЕ

В нашей Карелии, у самого Онежского озера, был колхоз. Самолучшие колхозники в нем были: Федор-старик, Марья-колхозница да Алексей. Федор по рыбно-му делу ходил, Марья смотрительницей детей была, а Алексей был конюхом.

Вот сошлись все колхозники в правлении и начали говорить, что есть на белом свете самое лучшее и доро-гое. Люди они были не бывалые и заговорили по-своему, по-деревенскому. Бабы говорят:

— Наши коровы самолучшие: они нам молоко дают, всех нас питают. Мы молочка надоим, сливочки сольём, маслица собьем, в печь поставим, оттворожим, лепешок напечем, сметанкой зальем.

Ловцы говорят:

— Неверны слова ваши! Рыба дороже всего! Она нас кормит и поит. Мы мережи поставим, рыбы нало-вим, что лосося, что малька, что сига, что ряпушку, уху наварим, рыбничков напечем, стопочкой запьем.

Ратаи-то *) говорят:

— Неверны ваши речи! Мы рожь да жито посеем,

---

*) Ратай — пахарь.

а как выспеет — хлебушек соберем, в скирды накладем, скирды выволочим да дома вымолотим, солоду насолодим да пива наварим. Без хлебца никому не прожить! Рыбничков без муки не спечь, да и пива не сварить.

Надумали тут колхознички разрешить спор: послать Федора, да Марьюшку, да Алексея по всей земле русской ходить и узнавать, что есть на белом свете самое лучшее и дорогое.

Сошлись Федор, Марьюшка да Алексей и не знают, куда им путь держать. Тут Марья и говорит, что бабушка ей перед смертью наказывала: «Коли ты чего знать не будешь, либо пути-дороги не знаешь, возьми-ка ты мой клубочек, за кончик ниточки держись, да на дорожку и брось. Куда клубочек покатится, туда тебе и путь лежит».

Сказала это Марьюшка Федору да Алексею, взяли они за печкой клубочек, всё, как бабушка велела, сделали и пошли за клубочком.

Идут они и дивуются. Где прежде реки бродом брели, ни проходу ни провозу не было, там построили мосты через речки на полверсты: сваи позабивали, доски настлали, да балясы на них сделали. Где при старой власти болота непролазные, ни проходу, ни проезду не было, — проложены дороженьки хорошие, мощеные. По этим дорожкам ходят машины разные, а у самого Онежского озера самолет стоит. Хошь — пешком иди, хошь — на машину садись поезжай, хошь — на самолет садись лети. Где были леса дремучие, непроходимые, там проложены дороженьки широкие, вся земелька углажена и фонари расставлены. Днем идешь — светло, и ночью идешь — светло.

Безо всякой трудности идут Федор, Марья да Алексей за клубочком, и подкатился клубочек к самой каменной Москве. По матушке каменной Москве машин много бегает! Много в Москве светлоты, будто и ночи нет!

Федор говорит:

— Машины мне понравились. У старого тупы ноги ходить, дак хоть под старость на машине проехать.

Марья-то говорит:

— Не зря клубочек-то прикатился сюда. Москва — мудреная. В Москве-то и узнаем, что есть самое лучшее и самое дорогое.

Алексей говорит:

— Походим-ка мы по Москве и посмотрим: может, самое дорогое не у нас в колхозе есть, а в самой Москве.

На том и согласились. Идут по улицам, дивуются, как улицы изукрашены, любуются. Подкатился клубочек к дому, а на доме надписано:

«Кому ехать — вниз пожалуйте».

Вкатился в дом клубочек и остановился. Взяла Марья клубочек в карман, и вошли они в метро подземельное.

В метро все-то день ясный, и ночи-то нет. Проехались они на метро, встали на лестницу — сами не идут, лестница за них идет. Вот лестница вынесла их на землю, поблагодарили они лестницу.

Марья вынула клубочек, конец нитки взяла в руки, клубочек на землю бросила. Покатился клубочек и прикатился к большому саду. Во саду музыка играет, цветы цветут хорошие, птицы поют дивные. Говорят-то они в Москве, а слышны слова на Онежском озере, — все по радио слышно. Нынь в один час вся Расеюшка слушает!

Во саду гуляют молодые и старые: тут и пляшут, тут и на качелях качаются, и на деревьях фонари разноцветные горят. Федор и говорит:

— Вот, наверно, это и есть самое лучшее и самое дорогое, потому что все здесь веселые и довольные.

Только он это сказал, клубочек у Марьи из кармана выпрыгнул, успела только Марья конец нитки схватить, и покатился клубочек дале. Идут Федор, Алексей да Марья за клубочком, и клубочек остановился перед большим красным домом. Около самого дома народу многое-множество!

Взяла Марья клубочек в карман, вошли они в дом.

Смотрят: белая лестница цветами зарощена. Пошли они по лестнице, видят: в доме золотыми буквами написано и показано про жизнь хорошего человека, который ко всем нашим чудесам вел. И шли они до самой последней комнаты. Видят: в комнате флагов многое-множество, наклонены флаги середи комнаты, и от них красный-красный свет, а середь комнаты — памятник.

Марья тут и сказала:

— Привел клубок нас к большому человеку!

Не успела она слова молвить, выскочил клубочек из кармана, успела она только нитку схватить, и покатился клубочек все дале и дале. Идут они за клубочком и подходят к каменной стене. Прокатился клубочек в ворота и подкатился к белому дому.

Взяла Марья клубочек в карман. Тут отворяют двери, и встречает их сам товарищ Сталин. Провел их Сталин к себе в комнату и стал их обо всем расспрашивать, а они — обо всем рассказывать.

И стали они у Сталина мудрые вопросы спрашивать, и первый вопрос о том, как им жить лучше и богаче. Сказал им обо всем Сталин.

Тут Марья и говорит:

— Что же есть самое дорогое и самое хорошее? Это жизнь наша. Да никогда она не была бы такой, коли бы нам не сказали наши мудрые правители, как жить, а потому самое мудрое и самое дорогое — это слова товарища Сталина, которые он нам сказал.

Распростились они с товарищем Сталиным, проводил он их до самой стены, и вышли они в Москву.

Хотела было Марья взять клубочек, сунула руку в карман, а клубочка-то и нет. Стали они его искать. Искали, искали и к Сталину воротились, и у него искали, не обронили ли где, и по дороге смотрели, — так и не нашли. Ну, уж тут дорога была известная, сели они на машину и поехали.

Приехали они в колхоз. Их колхозники спрашивают:

— Ну, что есть самое дорогое и самое лучшее у нас на земле?

И тут они все сразу ответили:

— Самое лучшее и самое дорогое у нас на земле есть слово товарища Сталина.

И рассказали они тут всё, как, что с ними было и где они были.

И все колхозники на том согласились.

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА И ЦАРЯ КАЛИНА

Как у князя-то у Владимира,
А ведь жил-то Ильюшенька да ровно десять лет.
Как стали к князю-то Владимиру,
А стали ведь людюшки подхаживать,
Стали князю Владимиру да наговаривать:
«Как Илья Муромец да сын Иванович,
Как с сильными могучими богатырями
Хочет взять себе да княжество».
Тут Владимир князь да послушал ведь,
Приказал посадить да Ильюшеньку.
Повели Илью во погреба глубокие,
Как Ильюшенька не отбивается,
Посадили Илью в погреба глубокие.
Как у князя-то да у Владимира
Была красна девушка-племянница,
Отроду ей было лет четырнадцать,
Как она велела выкопать дорожку подземельную,
Как во те ли погреба да во глубокие,
Где посажен-то был Ильюшенька.
Как на всякий-то она да долгий денечек,
Как Ильюшеньке носила яства да сахарные,
Напиточки-то разные медвяные. *)

*) Медовые.

Как прошла про Илью слава да широкая.
Как прошло ведь того времени да три года,
Как узнал-то да и Калин царь,
Что ведь Ильюшеньки живого нет,
Как направился Калин царь с войском со великиим,
Как нагнал он ко городу силы да ко Киеву,
Тут же писал письмо скорописчато:
«Уж ты, князь Владимир стольно-киевский!
Отворяй-ко ворота да широкие,
Уж ты улицы да распахивай,
Дубовы скамьи да вынашивай,
Питва разные выкладывай,
Как встречай-ко нас, да дорогих гостей».
Посылал Калин царь татарина с писёмышком,
Приходил татарин к князю ко Владимиру,
Как кидал татарин на стол писемышко,
Сам садился татарин да на лавочку,
Как Владимир князь читал письмо да
порасплакался:
«Как у меня нет во городе во Киеве,
У меня нету сильных могучиих богатырей,
И нету у меня да как Ильюшеньки».
Говорила его да ведь племянница:
«Как мой-то ведь да родной дядюшка,
Как на роду Илье смерть-то ведь не писана».
«Ой ты, ведь чадо мое милое,
Как до сих-то пор Ильюшиных костей-то нет».
«А как сходим-ко да мы во погреба глубокие,
Как посмотрим-то на тое местечеко».
Как разрывали они погреба глубокие,
Отворяли двери-то дубовые,
За столом сидит Ильюшенька живешенек.
Тут Владимир князь у Ильюши порасплакался:
«Как прости меня, Ильюшенька, в такой беде».
Показал письмо Ильюше царя Калина,
Говорил Ильюшенька князю-то Владимиру:
«Как на место что же ты отписывал?»

«Как ничего не писал я во обидушке».
Как начал Илья писать да царю Калину:
«Ай же ты, да Калин царь!
Дай-ко нам ты сроку три года,
Наварим мы ведь зелена вина,
Как накурим мы да пива пьяного,
Угостим тогда мы всю силу да всю армию,
Как не дашь нам сроку три года, —
Дай хоть сроку нам да на три месяца,
Как не дашь нам сроку на три месяца, —
Дай хоть сроку ты нам на три дня.
Сам садился Илья да на добра коня,
Как поехал Илья на горы на высокие,
Как глядел Илья на рать-силу на великую, —
Как сколько у царя-то ведь у Калина
Силы набрано, силушки-то нагнано:
Серу волку силы не обрыскати,
Черну ворону силы не ограяти.
Как глядел-то Ильюшенька на север ведь,
Как стоит шатер бело-полотняный,
У шатра стоят кони богатырские,
Там ведь спят сильные могучие да богатыри.
Как натягивал да Ильюшенька
Как тетивку-то да он шелковую
Во тугом луку да потугёшенько.
Направлял Илья стрелочку каленую прямешенько,
На полете Илья стрелочке наказывал:
«Ты пади, стрела, не на небо, не на землю,
Ты пади, стрела, да во белой шатер,
Да пади Самсону-то да крестному,
Ты пади ему да во белую грудь,
Что он спит да не прохватится,
Как не знает он беды над крестником, не ведает».
Как пала стрела каленая,
Пала во белой шатер,
Самсону крестному попала в медный крест.
Как вставал-вскочил да Самсон крестный ведь:

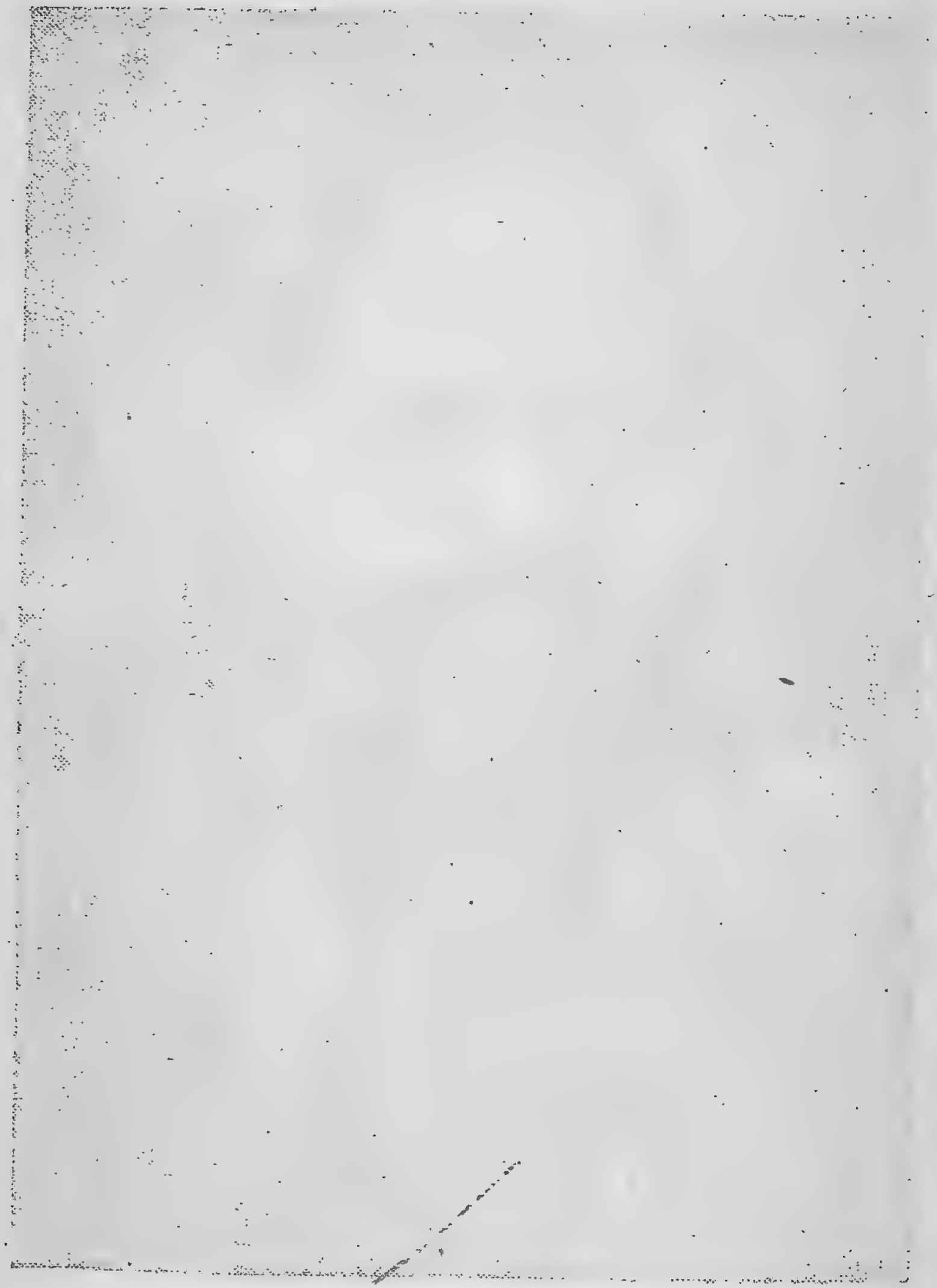
«Как вы, сильные могучие богатыри, вставайте-ка!»
Как двенадцать-то их было богатырей,
Как тут садились скоренько на добрых коней,
Поднималися на горы на высокие,
Где стоит-то сила царя Калина.
Как кругом-то силу да окружили,
Начали силу бить у царя Калина,
Не оставили татарам силы да на семена.
Говорит-то тут ведь Калин царь:
«Закажу я детям да внучатам ведь,
А не то, что на Расеюшку-то ездити,
А чтобы думой более да не думати».
Тут поехали сильные могучие богатыри,
Как ко князю-то в город, ко Владимиру,
Принимал Владимир князь да со всей радости,
Добрых молодцев он жаловал.
А на том былина и покончилась.

МАТВЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КОРГУЕВ

Матвей Михайлович Коргуев родился в 1883 г. в селе Кереть, Лоухского района (б. Кемский уезд, Архангельской губ.). Отец бедняк-помор, всю жизнь провел в нужде. Когда мальчику шел седьмой год, отец сломленный тяжелым трудом, умер. Скупо теперь рассказывает об этом времени сам Матвей Михайлович — не хочется и вспоминать. «Мать моя работала у кулака за 15 копеек в сутки, работы были трудные, и у нас была большая нужда — мы два года ходили по миру».

Рано началась трудовая жизнь мальчика. 8-ми лет он пошел наниматься на работу к местному кулаку. Мечты о школе, которые были у мальчика, пришлось бросить: надо было зарабатывать на хлеб. Голод заставлял забывать о тяжком, непосильном для мальчика труде. Когда ему исполнилось 10 лет, он стал пилить дрова и возить их на оленях за 7 копеек в день. Он был подпаском, пильщиком дров, подручным на рыбной ловле, а на 14-м году ходил поваром на парусном судне. Работы было много, он был и повар и матрос, его часто били и издевались над ним.

34 года прошли в страшной, мучительной борьбе за существование, за кусок хлеба. Только Октябрьская ре-



волюция освободила его от нужды. Кредитное товарищество дало ему лошадь, сам он справил рыболовную снасть, и голод, в котором раньше жила его семья, стал лишь тяжелым прошлым.

В 1933 году Матвей Михайлович вступил в колхоз «Красный рыбак». Началась новая жизнь. Его, умного, смелого, осторожного и опытного рыбака, вскоре выдвигают бригадиром лова. Молодежь любит его, к нему в бригаду рыбаки идут с особым удовольствием. И сейчас Матвей Михайлович — один из лучших работников в колхозе.

Царское правительство, угнетавшее трудовой народ физически и духовно, все же не могло вытравить у народа исконной любви к шутке, к меткому, острому слову, не могло целиком подавить его творчество, часто направленное против жадного пона, глупого барина, трусливого и жестокого царевича — против тех, кто мучил народ и издевался над ним. Тяжелая трудовая жизнь Матвея Михайловича, нужда и бесправие все же не сломили его, не уничтожили в нем любви к художественному слову. инв № 666

Еще мальчиком он впервые услышал и полюбил сказки, имевшие уже тогда широкое распространение в Беломорье. В течение своей жизни Матвею Михайловичу часто приходилось сталкиваться с людьми и на рыбной ловле, и на лесных работах. По вечерам у костра или в темной тесной землянке люди, отдыхая, делились своим богатством — сказками. «В это время в темные осенние ночи около огня много сказок да песен было», — вспоминает Коргуев.

Жадно воспринимал эти сказки молодой Матвей Михайлович и, запоминая, сам рассказывал их.

Коргуев не только сказочник, одаренный изумительной памятью, Коргуев и мастер-художник. Он не только рассказывает то, что когда-то слышал, но и творит сам. Его сказки — это зачастую сложное, искусное переплетение нескольких сказочных мотивов и сюжетов. В

его сказках нашли свое отражение и северная природа, и быт бедняка-крестьянина, и рыбака, и труд их.

Как всякого крупного мастера слова, Коргуева волнует образ сильного, смелого, честного героя, рожденного народом.

В своей известной сказке о Чапаеве он дал незабываемый образ одного из легендарных героев гражданской войны.

Сказки М. М. Коргуева — частица того необозримого, яркого, живого поэтического богатства, которое создал и продолжает создавать трудовой народ.

СМЕРТЬ ЧАПАЕВА

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил был крестьянин. Звали его Иваном. И было у него трое детей. Старшего звали тоже Иваном, среднего — Петром, а младшего — Василием.

Жили они очень бедно, не имели своих ловушек на зверя и посудины, на которой выезжают рыбу ловить.

И вот крестьянин Иван жил, жил и так бедняком и помер.

Осталась вдова с детьми. А когда выросли дети, случилась война. Старших сыновей забрали на войну, остался с матерью младший — Василий. А потом и ему пришла очередь на войну итти. Всех тогда брали поголовно. Распростился Василий с матерью и отправился на войну. И осталась мать одна-одинешенька.

Вот идет Василий по деревне. А жила тут недалеко его тетка, материна сестра. И он думает:

— Дай, зайду к тетушке, прощусь, может и не вернусь с войны.

Зашел.

— Здравствуй, тетка!

— Здравствуй, здравствуй, племянник! Куда идешь?

— Да вот, тетушка, на войну надо итти. Старшие братья уж воюют; ну, и мне приходится.

Она ему и говорит:

— Слушай, племянник! Дам я тебе кольцо. Это кольцо у меня от мужа осталось. Принес он кольцо с турецкой войны. И в этом кольце такая волшебная сила, что никакая тебя пуля не возьмет, никакой меч не посечет. А действовать кольцо будет только на суше, а уж на воде сила у него слабеет, — это хорошенько запомни.

Поблагодарил Василий тетку за кольцо, попрощался и пошел дальше. Вот пришел он на призыв и стал тут обучаться военному действию. И так он быстро выучился и так был силен да умен, что сразу пошел он на войну, и никакая пуля его в боях не брала.

Прослужил он на войне три года, а когда война уничтожилась и стала советская власть, приехал Василий Иванович домой. А кроме него никто из братьев не вернулся. Братьев убили на войне. Пожил Василий Иванович немного дома, а потом задумал жениться. Взял он из своей деревни у бедного крестьянина дочку, сыграли свадьбу. И стал Василий Иванович жить со своей женой. А через некоторое время, через год там или два, родилось у них двое детей.

Прослышал однажды Василий Иванович, что задумали генералы уничтожить советскую власть, а вместо нее свою утвердить. Обидно стало тут Василию Ивановичу, что погибнет весь трудовой народ. Подумал Василий Иванович и решил: «Лучше я еще раз пойду на войну, а уж не дам погибнуть своей родине!»

И говорит своей матери:

— Ну, маменька родимая! Пойду я защищать власть советскую.

Говорит ему мать со слезами:

— Было у меня три сына, остался ты один. И тебе придется голову сложить, коль пойдешь второй раз на войну.

— Нет, мать, — говорит он, — я пойду! Если умру, не оставь ты моих малых деточек.

Распростился он с матерью и с женой, оседлал своего вороного коня и поехал в Красную Армию.

Приезжает он в войска советские, к красным командирам, поклонился и говорит:

— Здравствуйте, красные командиры советские! Хочу служить в Красной Армии, хочу помочь своей родине, хочу Колчака с Деникиным прогнать, чтобы трудовой народ освободить.

Командиры и говорят:

— Здравствуй, молодец! А кто ты есть такой? Какая твоя фамилия?

— Есть я из такой-то деревни, зовут меня Василий Иванович, а фамилия — Чапаев.

И сделали Чапаева командиром в Красной Армии.

И подошел тут вскоре бой кровавый. Вскочил тогда Чапаев на коня и на неприятеля бросился. Начал он бить, как траву косить, колчаковичей и деникинцев, шесть часов под ряд бил и мечом рубил, и копьем колол, из нагана стрелял. И все поле было усеяно телами. Колчак не удержался и убежал с остальным своим войском подальше.

А Красной Армии солдаты стали про Чапаева говорить:

— Вот это командир! Мы с Чапаевым куды хошь пойдем!

Не прошло и недели, как Колчак собрал в два раза больше войска и пошел опять на Красную Армию. Вскочил Чапаев на своего коня и начал вратов жестоко бить, мечом рубить, копьем колоть. И бил он их целые сутки. Больше половины колчаковичей убили, кого в плен взяли, а сам Колчак еле-еле успел удрать.

После боя отдохнули маленько, поели, попили. И пошел Чапаев к товарищу Фрунзе.

Фрунзе ему и говорит:

— Ну, Чапай, молодой герой! Даю теперь тебе целую

армию, чтоб совсем Колчака добить. Он опять войска набирает.

Вот пошел Чапаев со своей армией к реке Белой. И расположил он свои войска у одной деревни, а где колчаковичи находятся, он не знает. Надо во что-бы то ни стало узнать: где штаб Колчака? Вот и говорит Чапаев своей армии:

— А что, ребятки, кто поедет со мной на вылазку?

Ну, много, понятно, итти с ним вызвалось, он отобрал там человек пятьдесят или, может, сто, и поехали. А уж дело шло к вечеру. И встречают они по дороге одну женщину.

— Эй, тетка, куда идешь?

— Иду, командир, проведать мужа своего в Красную Армию, да сбилась с пути, голодна. Иду вторые сутки, не знаю куда и попаду.

— Ну, пойдем, тетка, мы тебя накормим.

Приказал Чапаев взять ее с собой и накормить. Вот идет она с ними. А женщина эта была полячка, и послал ее Колчак шпионкой. Но Чапаев об этом ничего не знал.

И вот доехали до одной деревни. А деревня как раз на берегу реки Белой стояла. Мужики и рассказали, где колчаковичи стоят: недалеко за лесом, верст так с десяток будет. Василий Иванович и говорит:

— Значит, так, ребята: ночуем здесь, раз уж ночь нас застала, а утром пойдем за своей армией.

Расположил Чапаев посты, а сам стал на отдых.

Заснули все, и Василий Иванович уснул, только один караул остался стоять.

А полячка не спит, дожидается. Дождалась, как Чапаев уснул, и — скорей к Колчаку. Прибежала и рассказала, где Чапаев стоит, и что главного войска с ним нету. Колчак обрадовался и дает приказ своим генералам: «Поймать Чапаева живого или мертвого».

Собрали генералы свои войска и окружили Чапаева с трех сторон. Сняли посты и в ночную пору, когда спал Василий Иванович крепким сном, напали на чапаевцев.

Вскочил тут Чапаев, закричал:

— Вставай, ребята! Измена!

Ну, чего говорить; их, может, там сотня и была — не больше, а колчаковичей тьму нагнали. Красные в избах держатся, отстреливаются, к себе не подпускают. А уж патронов совсем мало осталось. И дает тогда Чапаев такой приказ:

— Бегите, ребята, к речке, тут нам не прорваться. А за рекой войско наше близко, опять на Колчака пойдем.

Кинулись чапаевцы через реку. Увидал Колчак, что красные к реке бросились, кричит своим генералам:

— Не давай переходить! Стреляй, что есть силы! А то нам всем живым не быть, если Чапаев вырвется!

Колчаковичи пулемет повернули и давай палить. Долго плыл Василий Иванович, а потом его в руку ранило (на воде уж кольцо не действовало). Только он все равно не переставал плыть. Кругом стреляют, много тогда красных положили. Колчак все кричит:

— Добивай Чапая, чтоб он не перебрался! Стреляй по нему по одному!

Вот и второй раз пуля попала, покрыла вода его голову. Тут Василий Чапаев и утонул. А уж недалеко был от берега, и красное войско шло на подмогу...

Ударили красные на колчаковичей и деникинцев, разбили их на-голову и прогнали с советской земли.

Прославился Василий Иванович, по прозванию Чапаев. Почитают его по всей нашей земле.

ОНДРЕЙ-СТРЕЛЕЦ*)

Не в котором царстве, не в котором государстве жил царь, и он был холост. Имел он стрельцей двенадцать у себя; и один был стрелок Ондрей, то уж на лету сокола стрелил, тот уж числился как старший стрелок. И вот ихна охота выходила, как шесть дней работали для царя, а седьмой лично для себя. Так он у него прожил пять лет и все на одной работе. Ну, ему показалось — малый заработок, он хотел выйти прочь. Потом подумал: «Давай еще обживу этот месяц, схожу еще раз для себя охотиться, а потом выйду».

И вот он раз походит для себя, это как в седьмой день.

Вышел он, конечно, целый день ходил по лесу, и никого он не видал.

Потом идет уж близко к городу, смотриг: сидит у лесины соколица.

— Ну, давай, стрелим хоть эту.

Он ее стрелил, обранил, она упала. Он ее поднял и хотел повернуть ей голову. Ну, соколица заговорила человечьим голосом:

— Вот что, Ондрей-стрелок: вы не рвите моей головы, а несите домой. Когда принесешь домой, сядешь чай пить и положьте меня на окно. Потом бросьте за окно

*) Сказка печатается с сохранением некоторых особенностей языка сказителя.

и увидите, что будет. Хочете — берите себе, а нет — так отдайте людям.

Вот он когда стал чай пить, положил ее на окно, потом бросил за окно. И там образовалась девушка, что цветок. И он на нее смотрит, слова промолвить не может. Она и спросила:

— Ну, что ж, Ондрей-стрелок, людям отдашь или себе возьмешь?

— Возьму себе.

— Ну, себе, так ладно, только умей держать.

Вот когда она пришла, и стали с ним жить. Пожили они с ним неделю, она и говорит:

— Ондрей, вы наверно бедно живете?

— Да, как видишь сама.

Она и говорит:

— Вот что, Ондрей, а есть ли у тебя кого из знакомых, чтобы тебя выручили на сто рублей, — сходи и попроси. Когда ты получишь эти деньги, то зайди в магазин и принеси мне сто аршин шелку, а я из него буду шить ковер.

Ондрей пошел сейчас к одному знакомому купцу.

— Вот, — говорит, — дайте мне, пожалуйста, двадцать рублей денег.

— А на что тебе?

— Да сам знаешь — на нужду.

— На что тебе двадцать? На, я тебе дам сорок.

Он его поблагодарил и пошел к другому знакомому купцу.

— Вот что, друг, дай мне рублей двадцать денег, очень нужно.

— На что тебе, Ондрей? Вот я уже тебе дам сорок.

Он взял; у него уже восемьдесят, надо ему еще двадцать. Вышел он прочь; заходит к третьему купцу.

— Вот что, друг, выручи меня на десять рублей.

И тот дал ему двадцать рублей. У него стало сто. Когда он получил эти деньги, заходит в магазин, купил сто аршин шелку и приносит жене.

— Вот тебе, Елена Прекрасная, шелк я принес.

Она ему и говорит:

— У кого ты эти деньги брал у одного купца или у трех, и по сколько они тебе давали?

— Я у первого купца попросил двадцать, а он мне дал сорок; у второго попросил двадцать, он мне дал сорок; у третьего — десять, а он мне — двадцать, — вот у меня и сто рублей.

— Вот, Ондрей, как ты получишь деньги и будешь давать, давай тоже двояко: у кого просил двадцать, а он дал сорок — ты давай восемьдесят, и так у всякого.

Тогда Ондрей выходит на работу на шесть ден, а она принялась за свою работу: начала шить ковер. Пока Ондрей охотился шесть дней, приходит домой, а в это время она сготовила ковер.

Ондрей приходит, конечно, в субботу, а утром в воскресенье она подает ковер и говорит:

— Вот, Ондрей, иди на рынок и продай ковер, ну, только цены не облагай, кто что дает, то и бери.

Берет он ковер и походит, она и говорит:

— Слушай, Ондрей, когда получишь деньги, этим рассчитайся вдвойне, как они тебе давали.

Ондрей-стрелок берет ковер и пошел на рынок. Приходит на рынок, приносит ковер, развернул его, и собралось публики смотреть этот ковер, что проходу уж не было. И цены никто не облагает, только смотрят. И этот ковер был так расписан: на нем был лес, реки, озера, моря, птицы, рыбы и все на свете. Вот все и стоят. Потом случилось ехать царскому денщику:

— Ну, что тут собрались, давайте дорогу!

Он насилу пропихался в этой публике и давай смотреть ковер.

Вот этот денщик обсмотрел ковер, часа три, и очень он ему понравился, и стал спрашивать:

— Чей это ковер и сколько он стоит?

Тогда подходит Ондрей к денщику и говорит:

— Это ковер мой.

— А сколько он стоит?

— А сколько дадите, столько и возьму.

Тогда говорит царский денщик:

— Так вот, Ондрей, я тебе тридцать тысяч даю: довольно будет?

— Довольно.

Вынимает из кармана деньги, дает ему и пошел.

Ондрей приходит к первому купцу и дает ему восемьдесят рублей; купец и спрашивает:

— Почему же, Ондрей, восемьдесят: я тебе сорок давал.

— Потому что я спрашивал у вас двадцать, вы мне дали вдвойне, так и я вдвойне платить буду.

Так и ко второму купцу, так и к третьему. Эти купцы поблагодарили Ондрея, и приносит он деньги осгатки домой к жене.

— Вот, Леночка, я тебе принес деньги.

— А сколько достал?

— Тридцать тысяч.

— Уплатил деньги?

— Уплатил.

— Ну, вот, Ондрей, как видишь теперь мой заработок?

— Да, ничего.

— Ну, можешь теперь пожить и хорошо.

Когда этот царский денщик положил ковер на стену, и случилось в это время притти молодому царевичу к денщику и посмотреть этот ковер. Молодой царевич посмотрел ковер, он ему очень понравился. И стал спрашивать:

— Где ты, денщик, достал этот ковер, за сколько ты его купил?

— Я купил его на рынке и платил тридцать тысяч.

— У кого?

— У Ондрея-стрельца.

— Продай мне его, я тебе дам тридцать пять.

Он и говорит:

— Пожалуйста, получай; а я схожу к Ондрею, новый закажу.

Получил деньги и вечером, часов в десять, походит к Ондрею заказывать ковер.

Когда он приходит к Ондрею, Ондрей уже ложился спать и двери были заложены. Вот он приходит, постучал, Ондрей и говорит:

— Надо открыть, Леночка, наверно кто-нибудь; я пойду, оденусь, открою, кто-нибудь из царских прислуг.

Она говорит:

— Ондрей, уж ты успокоился, разделся, значит, спи, а я пойду сама открою.

Приходит к дверям и открывает. Вот когда она открыла двери, царский денщик посмотрел на нее, одну ногу через порог перенес, а другую не переносит, так и замолк, больше слова сказать не может. Она и начинает спрашивать:

— Зачем вы пришли, царский денщик, сам ли он вам нужен, Ондрей, или для царя? Вы сами знаете, он лег спать, а утром ему нужно на работу выходить.

Ну, он все молчал. Долго она ждала его ответа, наконец, дождаться не могла, повернула его за плечи и закрыла дверь. Он все молчал и пошел домой. Наконец, отошел сажен за сто и вспомнил: «Ах, я пошел ковер заказывать и забыл. Ну, у Ондрея и жена хорошая, ну и портрет».

Когда он приходит домой, то в то же время приходит царевич:

— Ну, как? Заказал ковер?

— Да нет.

— Почему?

— Ну, не до ковра мне было: такая у Ондрея жена хорошая, я не вспомнил себя. Вот так красавица!

Тогда он ему сказал:

— Ну ладно, тогда я сам схожу и закажу ковер и посмотрю, что у Ондрея за жена.

Так молодой царевич пошел к Ондрею часов в во-семь. Он приходит, а Ондрей, уже раздевшись, тоже ложится спать, двери, конечно, были закрыты. Когда застучали, он и говорит, Ондрей:

— Елена Прекрасная, надо сходить, я сейчас одену-сь и схожу.

— Нет, нет, Ондрей, коли вы уже разделись, я сама схожу и открою.

Когда Елена пришла к дверям, открыла, молодой царевич занес ногу через порог, увидал такой портрет перед собой, так онемел и остоялся.

Вот долго она смотрела на него, потом стала спрашивать:

— Что, молодой царевич, какая просьба до Ондрея, скажите, пожалуйста, я жду. Сами знаете, Ондрею надо отдыхать и итти в утрях на работу.

Он сказать ничего не может, молодой царевич, все смотрел на нее.

Она поворачивает его за плечо.

— Идите же, молодой царевич, коли не можете ничего сказать; Ондрею надо спать.

И он вышел. Когда он отошел немного места, и вспомнил: «Ай-ай, у Ондрея жена какая хорошая, во что бы ни стало надо у Ондрея ее отнять или, может, добром отдаст мне ее».

Когда он приходит домой, и собирает своих бояр, и начинает с нима разговоры:

— Каким путем у Ондрея жену отнять: казнить его нельзя. Насилу отнять жену — нельзя. Ну, одним словом, надо придумать какую службу.

И все были согласны, чтобы дать ему службу, чтобы он от своей жены отказался, или отдал ее добровольно через эту службу. Вот и начинают думать. Долго они думали, но ничего придумать не могли. Наконец, взялся один вельможа на трои сутки придумать службу за десять тысяч рублей.

— Вот знаешь что, вот я тебе даю деньги.

И дает ему наказ. Вынимает деньги.

— Если вы не придумаете, то на третьи сутки голова долой, — и с тема словами вышел из комнаты.

Этот вельможа думал двои сутки, ничего он придумать не мог.

На третьи сутки пошел в лес. «Придумаю так придумаю, нет, — так повешусь: все равно моя голова долой».

Вот идет он по лесу грустный, печальный и ничего не может придумать, а уже на вечеру являться незачем. И вдруг смотрит — ему навстречу старушка и говорит ему:

— Что, мужичок, задумался?

А он отвечает ей сгруба:

— Что тебе от меня нужно?

Попрошел немного, обдумался: «А вот что: надо, пожалуй, спросить старушку, может, она что знает».

— Прости бабушка, дерзкое слово, может, ты знаешь, что я думаю?

— Вот что, милый, вперед бы так; старых людей не обегай. Поди, скажи царю: пусть сходит он в тридевять земель, в тридевять горей, в тридесято царство, на остров Буян, принесет овечку-золоту головку. Дать ему судно текуще и команду пьющу, он туда уйдет, назад не придет, и сроку дать ему на четыре месяца, не боле; откажется он от своей жены.

Тогда этот вельможа поблагодарил бабушку и говорит:

— Спасибо, сейчас пойду.

Вельможа приходит к царю и говорит:

— Ваше величество, я и придумал. Дать Ондрею службу такую: пусть сходит Ондрей за тридевять земель, за тридевять горей, в тридесято царство, на остров Буян, принесет овечку-золоту головку. Дать ему судно текуще, команду пьющу, он туда уйдет, назад не придет.

Вот этот царевич тогда сказал ему:

— Ну, спасибо.

Сейчас посылает слугу за Ондреем.

— Позвать его, что он мне-ка скажет?

Да, когда приходит слуга, объявил ему, что царь звал. Он думает.

— Зачем меня царь звал, — говорит Елене Прекрасной, — не знаю.

Говорит Елена:

— Вот что, Ондрей, иди к царю, есть тебе служба, я знаю. Когда придешь к царю, он тебе скажет: «Вот что, Ондрей, отдашь свою жену, не дам тебе службы и не скажу, если не отдашь — вот тебе служба». Когда ты придешь, и скажи ему: «Ладно, грузите корабль вином и хлебом». И рядись с ним и не соглашайся меньше четырех месяцев итти.

Вот наш Ондрей пошел к царю. Приходит к царю, поздоровался.

— Вот что, Ондрей, какое дело. Отдай мне жену; если отдашь — я тебе не скажу, какая служба, если не отдашь — вот тебе служба.

Отвечает Ондрей царю так:

— Я женился, ваше величество, для себя, а не для людей, и не согласен; грузите корабль вином и хлебом.

Обрядились с ним сроком на четыре месяца.

— Если не привезешь, то твоя голова с плеч, — так царь поставил.

И с тема словами вышел домой.

«Ну, — думает, — не доносить мне головы, не достать мне за четыре месяца ничего».

Ондрей приходит домой и залился горькими слезами.

— Ну, Елечка, больше мне тебя не видать!

Она ему и отвечает:

— Слушай, Ондрей, это не служба, а службица, а служба будет впереди. Поедим, повались спать, а утро вечера мудренее.

Вот они поужинали, легла она с ним спать. Поспала, поотдохнула до полночи, потом встала, вытащила из кармана волшебный платок и махнула им. Выскочило оттуда три молодца.

— Что тебе послужить, Елена Прекрасная?

— Вот, ребятки, какое дело будет. Нужно сбегать в два часа в тридевять морей, за тридевять горей, в тридесято царство, на остров Буян, принести оттуда овечку-золоту головку.

Вот ребятки через два часа принесли овечку-золоту головку.

Она берет ее, забаковала в ящик, положила себе в головы и ложится спать. Поспали они до шести часов. Елечка встала вперед, самоварчик согрела и стала будить.

— Ондрей, ставай, надо попить, поесть и пойти в дорогу.

Ондрей когда попил, поел, отправляется в дорогу, и заплакал:

— Елечка, до свиданья, больше мне тебя не видать!

— Ондрей, не плачь, ты думаешь — царь меня возьмет? Нет, не видать ему меня, как своих ушей.

Она подает ему ящик.

— Вот, Ондрей, береги этот ящик. Когда придешь на корабль, пройдет два месяца, будет тихая погода. Во время тихой погоды напой всю команду пьяной, чтобы ни одного трезвого не было, и поворачивай судно. Когда придешь обратно, ну, пойми, что в этом ящике овечка-золота головка, — и передашь царю.

Вот стал прощаться и заплакал. Она вынимает платок из кармана, обтерла его и говорит:

— Ну, Ондрей, иди, ничего не бойся, я никуда не денусь.

Так, с тема словами, Ондрей пошел на пристань. Приходит Ондрей на пристань, корабль уже совсем готовый. Садится на корабль и пошли по морю.

Когда только Ондрей ушел, то отправил царевич отряд к Елене Прекрасной. Долго они ее искали, перерыли весь дом, и половицы поднимали, ну, найти не могли, и решили, что Ондрей взял ее с собой.

Вот Ондрей шел по морю целых два месяца, потом пал штиль. Он и говорит:

— Да что, ребята, по случаю хорошей погоды выпьем все вместе.

И началась у них попойка. Когда он их всех напоил, было тихо на судне, он зашел в руль и потихоньку поворотил судно. Была поветерка *). Он и говорит:

— Вот что, ребята, можете ли кто стать в руль?

— Слушай, Ондрей-стрелок, встать-то мы можем, только голова болит.

— Ну, что же, надо опохмелить.

Выпили они немного и опять пошли вперед, и продэлжают пить. Вот они плывут, погода очень хорошая, поветерка. Плыли-плыли и вдруг приплывают в свое государство. Когда они приплыли в свое государство, его и спрашивает команда:

— Ну, Ондрей-стрелок, где мы были, зачем мы ходили, как мы все пили, зачем мы вернулись в свое государство, принесли ли мы то, или — верней — достали ли то, за чем ходили?

А он отвечает им:

— Да как, ребята, неужели вы не помните?

— Да как помнить, когда все пьяные были.

— Достали.

— Ну, слава богу.

С тема словами выходят к пристани. Когда только вышли на пристань, то встречается молодой царевич, сабля в руке, идет ему навстречу. Когда Ондрей встретил царевича и говорит:

— Ну, что, Ондрей, достал?

— А вот, можете посмотреть, — и дает ему ящичек.

Царевич взял и пошел домой, а Ондрей тоже пошел домой.

Когда он подходит только к дому, то Елечка выбегает на крыльцо, обняла его, поцеловала и заводит в комнату, уже самовар был готов. Садятся чай пить, Елечка и спрашивает:

---

*) Поветерка, поветерь — попутный ветер.

— Ну, как, Ондрей, сходил?

— Ничего, хорошо.

— Еще тебе придется итти второй раз.

Вот не прошло два дня, когда молодой царевич узнал, что у Ондрея жена есть.

— Во что бы то ни стало надо от него жену отнять.

Призвал этого вельможу, чтобы придумать ему другую службу.

Вельможа говорит:

— Хорошо, ваше величество, я скоро придумаю.

И походит опять эту старушку разыскивать. Идет лесной дорогой. Как только увидал эту старушку, сразу остоялся.

— Ну, как, друг, сходил Ондрей?

— Да, сходил.

— Ну, Ондрея обмануть не хитро, а вот его жену не скоро обманешь.

— Ну, вот, придумай, бабушка, ему другую службу.

Бабушка отвечает:

— Ладно, я скоро придумаю. Пущай Ондрей опять сходит за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесято царство, на остров Буян, принесет свинку-золоту щетинку. Дать ему команду пьющу, судно текуще. Он туда уйдет, назад не придет.

С тема словами пришел вельможа к царевичу:

— Ну, ваше величество, я опять придумал. Пущай Ондрей сходит в тридевять земель, в тридевять морей, в тридесято царство, на остров Буян, принесет свинку-золоту щетинку. Дать ему команду пьющу, судно текуще. И срок дать на четыре месяца, не больше.

В скором времени призывают Ондрея к царю. Он и говорит Елечке:

— Опять что-то, какая-то беда за меня заводится, опять к царю зовут.

Она и говорит:

— Скажи царю, пусть грузят опять корабль вином и

хлебом. Сам знаешь, взял ты меня для себя, а не для людей, умей хранить.

Вот он выходит. Приходит, конечно, к царю. Приходит и говорит:

— Что вам нужно, ваше величество, от меня?

Царь и говорит ему:

— Слушай, Ондрей, куда ты жену кладешь, как уходишь?

— Она у меня дома.

— Отдай мне ее, а то я опять дам тебе службу.

— Нет, — отвечает, — не отдам. Я женился для себя.

— Дак вот, коли ты мне не отдашь, то я тебе даю службу. Сходи в тридевять морей, в тридевять земель, в тридесято царство, на остров Буян, принеси свинку-золоту щетинку. Даем тебе сроку на четыре месяца. Не принесешь, то твоя голова с плеч!

Ондрей отвечает ему так:

— Что же, ваше величество, грузите вином и хлебом корабль, я буду готов.

С тема словами Ондрей вышел из дому. Когда он приходит к Елечке, Елечка спросила его:

— Ну, что, Ондрей?

— Да опять служба, куда и раньше.

— Ну, ладно, Ондрей, не печалуйся, утро мудренее вечера. Это еще все, Ондрей, не служба. Вот будет третья служба, вот на этой службе придется задуматься.

Тогда они поужинали, повалились спать. Спала она с ним до двенадцати часов, в двенадцать часов встает, вытаскивает волшебный платок, махнула им, появились три молодца, поклонились ей:

— Что, Елечка, прикажешь делать?

— Вот, что, ребятки, сбегать, в два часа в тридевято царство, в тридесято государство, на остров Буян, принести свинку-золоту щетинку!

Ребятки поклонились, побежали. Не прошло даже двух часов, ребятки прибежали, притащили эту свинку.

Она берет свинку, забаковала ее в ящик и повалилась спать. Встала в шесть часов, согрела самоварчик и стала Ондрея будить:

— Вставай, Ондрей, надо попить, поесть, в путь-дорогу отправляться!

Вот Ондрей чаек попил, конечно, стал одеваться и заплакал:

— Ну, Елечка, наверно, мне тебя не видать!

— Не плачь, Ондрей, ничего не будет.

Когда он оделся, она подает ему ящик:

— Ну, вот, Ондрей, тебе тут ящик, а в нем свинка-золота щетинка.Через два месяца напой команду, поверни корабль и приходи обратно. А тебе ходить никуда не надо. Все у тебя в ящике.

— А тебя уж царь найдет?

— Нет, не найдет, не видать ему, как своих ушей.

И так Ондрей отправился на корабль.

Приходит, садится на корабль, и так отправились в путь.

Как Ондрей уехал, царевич отправился к нему домой, все перерыл, полы поднял, печи разворотил, перевернул все на свете. «Ну, нет ее, наверно, — думает, — Ондрей с собой ее взял».

Вот Ондрей плывет, плыли они два месяца, до тех пор, пока не сделался штиль. Когда стихла погода, он напоил всю команду, и когда уже было тихо на судне он заходит в руль, поворачивает руль и начал будить команду со сна.

— Вставайте, друзья, кто-нибудь поправить, если можете.

Они и отвечают:

— Править-то хорошо, хозяин, да голова болит.

— Ну, что-ж, опохмельтесь.

Теперь стали подвигаться к своему государству. Вот свое государство. И стали опять спрашивать:

— Ондрей-стрелец, так достали ли мы то, за чем заходили?

— Достали.
— Ну, ладно; вот и хорошо.
— Так неужели вы не помните?
— Да как помнить, когда пьяны совсем были.
— Достали.

Вот когда они приплыли, вышли все на пристань, идет уж молодой царевич с мечом и спрашивает:

— Ну, как, Ондрей, достал?
— Достал, можете получить, ваше величество. Исполнил.

И пошел домой. Только приходит к дому, Елечка выскакивает на крыльцо, поцеловала его, ведет в комнату. Уже самовар был готов, сели за стол. Вот пьют чай, она и спрашивает:

— Ну, как, Ондрей, сходил?
— Да ничего, хорошо.
— Ну, ладно, и вперед так будет.

Не прошло два дня, царевич уже узнал, что у Ондрея жена есть. Разыскал этого вельможу, чтобы придумать третью службу и во что бы то ни стало отнять жену у Ондрея. Вот разыскали этого вельможу, и говорит ему царевич:

— Вот что, друг, придумай-ко еще третью службу Ондрею.

Он отвечает:

— Хорошо.

Придумать ему недолго, он уже надеется на эту старушку.

Затем вельможа пошел опять лесной дорогой. Долго он шел, встречает эту старушку.

— Здравствуй, бабушка.
— Здравствуй, сынок.

Она спросила его:

— Ну, как, Ондрей исполнил?
— Исполнил.
— Гм, Ондрея обмануть недолго, ну, его жену не об-

манешь. Ну, ничего, теперь я все-таки придумала, разлучу его на семь лет с женой.

И говорит ему:

— Вот сходи к царю и говори так: «Пусть Ондрей сходит туда, не знаю куда, принесет то, не знай что». И срок ему дай неопределенный, ну, не меньше семи лет. Может, он и не вернется. А в это время царь может жениться на Елене Прекрасной. (Она то не знает, что Елена скрывается).

Сейчас этот вельможа приходит к царю и долагает:

— Вот, ваше величество, пусть Ондрей сходит туда, не знай куда, и принесет то, не знай что. И дайте ему срок неопределенный А в это время вы достанете жену.

Когда царь услыхал эти слова от вельможи, в нетерпеньи послал за Ондреем. Когда пришел посол, то велел Ондрею притти к царю, немедленно его звал. Ондрей ответил:

— Хорошо.

Говорит опять своей Елене Прекрасной:

— Что-то, Елечка, наверно у царя опять есть дурное.

— Да, наверно опять служба. Ну, от службы не отказывайся, берись, а там видно будет.

Когда Ондрей приходит к царю, то царь заводит его в особую комнату и начинает его угощать вином: думает его напоить пьяным, чтобы он скорее согласился, но жена его предупредила:

— Смотри, Ондрей, водки не пей.

Ондрей, конечно, не отказался, и пошел с ним за стол. Сел, выпил одну небольшую стопочку, начинает ему царь говорить:

— Вот, Ондрей, слушай: отдай мне жену, а тебя я женю на генеральской хорошей дочке, и будешь ты счастливо жить без лишних хлопот, а то опять даю тебе службу большую.

Ондрей ни на что не соглашался, ни на какие уступки, и сказал:

— Я лучше пойду, нежели отдам жену.

И отказался от водки совершенно.

— Тогда знаешь что, Ондрей, я тебе даю службу: сходить туда, не знай куда, принести то, не знай что. Даю срок неопределенный, если ты не принесешь, вернешься, то голова с плеч.

Ондрей с тема словами вышел, и приходит он домой к Елене Прекрасной.

Приходит он грустный, печальный, со слезами на глазах.

Елечка спросила Ондрея:

— Что ты плачешь?

— Как, Елечка, не плакать, дали такую службу: сходить туда, не знай куда, принести то, не знай что.

Она ответила ему:

— Слушай, Ондрей, не печалуйся, попей, поешь, и ложись спать, а утро вечера мудренее, к утру все выяснится.

Поужинали, повалились спать. Она послала немного, встает, берет волшебную книгу в руки, начинает искать, где то, не знай что. Долго она искала, найти, конечно, не могла; бросила она волшебную книгу, берет волшебный платок. Тряхнула, выскочили три молодца.

— Что, Елена Прекрасная, прикажете?

— Вот, ребятки, не знаете ли где то, не знай что?

Один говорит — я не знаю, другой — не знаю, все, как в одно слово. Она спрятала платок в карман, берет большой моток шерсти, начала вить на клубок. Когда она свила большой клуб, чуть могла взять его, вынесла на улицу и поставила на крыльцо. Это провела она время до шести часов утра. Поставила самоварчик, начала будить Ондрея:

— Вставай, Ондреюшко, друг дорогой, уж тебе работа, путь-дорожка дальняя!

Вот они сели, чай попили, она и говорит:

— Вот, Ондрей, на крыльце есть клубок. Этот клубок покатится по дороге, и ты с ним иди. Пока этот

клубок покатится по дороге, ты и иди, все иди, до тех пор, пока клубок кончится, нитка растянется по дороге, там ты увидишь дворец. В этот дворец и иди, там тебя встретят.

Вот Ондрей собирается. Собрала она ему сумочку с собой, торбочку, и он заплакал:

— Ну, Елечка, больше мне тебя не видать, не знай куда я пойду!

— Не думай, Ондрей, ни об чем, царь меня не возьмет, я буду тебя ждать; конечно, долго не увидаемся.

Вдобавок она ему еще говорит:

— Вот тебе сумочка, когда ты придешь во дворец, там тебя встретят, накормят, напоят, спать уложат. Когда наутро встанешь, будешь умываться, тебе принесут полотенце, ну, ты в их полотенце не трись, достань из сумочки свое и утрись.

Вот запоходил, ему очень было ее жалко, заплакал. Она его стала утешать, утерла платком и вместе вышли на улицу у крыльца. Он спустился на дорогу, и клубок впереди его покатился. И так Ондрей отправился в путь-дорогу.

Вот как узнал царевич, что Ондрей ушел, сейчас и выставил около ее дома караул, стал обыскивать весь дом, но найти не мог; наконец, осерчал, сжег весь дом.

И дальше Ондрей продолжает свою дорогу; ну, клубок катился, катился и все меньше и меньше стал. Как идет Ондрей, клубок все меньше и меньше. Скучно Ондрею итти, все думал об Елене Прекрасной. Вот все шел и шел, продолжал свою дорогу, клубок стал маленький, с куриную головочку. Стало Ондрею скучно, никакого жительства нет. Чем клубок стал меньше, тем Ондрею скучнее. Вот уже до чего клубок стал маленький, что его уже незаметно по дороге, нитка растянулась вдоль дороги. Ондрей поднял глаза, смотрит, стоит дворец, подходиг ко крыльцу к парадному. Когда он подходит к крыльцу, то по лестнице к нему сверху сбегают две

девушки, точно одна, как его Елечка, но он не осмелился сказать. Берут его за руки и ведут во второй этаж.

Вот когда они его привели, сейчас накрыли скатерти бранные, напивки-наливки, вина заморские. Напоили, накормили и уложили его спать на перину пуховую. И сами ушли. Он проспал эту ночь. Утром прибегают в восемь часов, будят его со сна. Когда он встал, принесли ему воду умыться, принесли полотенце. Ондрей, конечно, умылся. Подают ему полотенце.

— Нет, девушки, у меня есть полотенце свое, дорожное.

Достает полотенце из торбочки, только что успел накрыть полотенцем лицо, одна из девушек хвать это полотенце и убежала, и другая вслед. Ондрей остался стоять в великой печали, думает:

— Что мне теперь будет, как же она мне велела обтираться в свое полотенце.

Вот эти девушки приносят полотенце к матери, говорят:

— Знаете что, мама, ведь наш зять Ондрей пришел.

— Ага, знаю, знаю зачем он пришел.

Это ее было полотенце: вот из-за чего она велела утираться в полотенце, чтобы они знали, кто он есть и зачем идет, потому она и велела ему утираться.

Старуха скочила со стула, вместе с дочерями и приходит к нему:

— Здравствуй, зять!

— Здравствуй, здравствуй, матушка.

— А я знаю, зачем ты пришел; хочет царь мою Елечку взять. Ого, это не выйдет ему, а я тебе помогу, зачем ты пришел. Поживи у меня несколько суток. Ишь он, задумал, молодой царевич, мою Елечку взять. Пусть он, пусть ее ищет хоть сто лет, не найдет.

Тогда Ондрей сел за стол, начал кушать и успокоился. Вот теперь она и говорит:

— Ладно, зять, побудь у меня трои сутки, а я поищу.

И уходит. Берет волшебную книгу в руки, и стала

смотреть, где это то, не знай что. Смотрела она долго, бросила книгу и схватила себя за волоса, не могла найти. Думала, думала, и говорит:

— Наконец и надумала.

Берет два голика и полетела по воздуху. Летала сутки и прилетела, найти не могла. Берет волшебную книгу, опять начинает смотреть. Смотрела, смотрела, найти не могла, бросила книгу и начала думать. Думала часов восемь и сказала:

— Вот теперь я придумала, узнала, где оно есть. Скокушка-бабушка живет в болоте триста лет, она наверное знает, полечу-ко я к ней.

Берет два голика и полетела.

Когда прилетела она к скокушке-бабушке в болото, и спросила:

— Знаешь, скокушка-бабушка, где то, не знай что?

— Знаю, — говорит.

— Так скажи.

— Нет, не скажу. Тогда я скажу, когда ты меня пронесешь до огненной реки в пареном молоке, тогда я тебе скажу, а раньше не скажу.

Берет она скокушку и приносит к себе. Берет кувшин молока и начала парить. Вот когда она попарила, посадила эту бабушку-скокушку, лягушку то есть, и приходит к своему зятю:

— Ну, зять, одевайся, поедешь, дам я тебе своего коня.

Оделся наш Ондрей-стрелок, и выводит теща своего коня. Потом ему и говорит:

— Вот лети на этом коне до огненной реки, а у огненной реки коня уже не будет, и спрашивай у бабушки, как попасть дальше.

Когда он доехал до огненной реки, коня у него уже не стало, остался один кувшин, и стал за ниточку вытягивать эту скокушку. Вытянул скокушку, она ему и говорит:

— Садись, Ондрей, на меня, пока не поздно.

А он ей и говорит:

— Что ты, бабушка, эка маленька, я тебя задавлю.

— Ну, садись!

Долго он мешкал, не садился, наконец:

— Ну, ладно, сяду.

Сел, и эта лягушка стала подниматься кверху, кверху и стала выше лесу и все его упивала в себя, только видна одна голова.

Вот она и заговорила:

— Ну, держись крепко!

Как эта лягушка скочит, так и прыгнула через огненную реку. Выпустила она его. Он начинает ее спрашивать:

— Да где же, бабушка, есть то, не знай что?

— То-то, если бы ты не спросил, так и не узнал. Теперь я тебе скажу.

Вот начинает бабушка:

— Вот где то, не знай что живет: иди по этой дорожке, долго тебе, конечно, покажется итти, ну, иди. Увидишь дом—не дом, сарай—не сарай, помещенье—не помещенье; заходи в него, дом совершенно пустой, развалившись, только одна печь. Зайдешь в этот дом и становись за печь. Зайдут два молодца и скажут: «Сват Наум, попить, поесть». Заиграет музыка разная, накроются скатерти бранные, напивки-наливки, вина заморские. Вот и ты до тех пор стой, пока они не уйдут и комната будет совершенно пустая. Тогда выходи и говори: «Сват Наум, попить, поесть». И тебе то же самое будет.

Старушка ему еще сказала:

— Когда будешь пить и есть, то угости свата Наума рюмочкой, тогда он от тебя никуда. Это будет то, не знай кто.

Это все обсказала бабушка-старушка-скокушка. Он поблагодарил ее и сам отправился в дорогу. Вот идет он себе долго, наконец, увидал; да, дом—не дом, сарай—не сарай. Заходит в него, совершенно пустой, развалившись, одна печь. И вдруг видит, приходит два человека молодых, сейчас сказали:

— Сват Наум, попить, поесть!

И откуль возьмись, накрылись скатерти бранные, напивки-наливки, заморские вина разные, и комната переменилась совсем другая.

Вот когда они поели, вышли прочь, то комната стала опять пустая. Тогда выходит Ондрей из-за печи. Когда он вышел из-за печи, и заговорил:

— Сват Наум, попить, поесть!

Так же и ему сделалось, накрылись скатерти бранные, напивки-наливки, вина заморские, и также водочка и рюмочка, и все на свете. Вот он сел за стол и начал есть, и говорит:

— Сват Наум, нельзя ли вторую рюмочку!

Сват Наум подает ему вторую рюмочку.

— Сват Наум, угостись второй рюмочкой от меня, дорожного человека.

Когда сват Наум выпил рюмочку и заговорил:

— Ну, Ондрей-стрелок, ты меня угостил рюмочкой, а уж я от тебя никуда. Я двух дураков кормлю тридцать лет, а от них еще горелой корки не видал.

Когда Ондрей его угощал, он говорит:

— Сват Наум, покажись!

— Нет, — говорит, — я есть такой дух, что меня никто не видит, я есть то, не знай кто.

Вот Ондрей выпил, поел и стал собираться.

— Ну, что, сват Наум, ты пойдешь со мной?

— Конечно, я всегда за тобой.

— Куда?

— Ну, пойдем.

Долго Ондрей шел по дороге и все спрашивал:

— Сват Наум, ты есть?

— Есть, я от тебя никуда.

Наконец, приходит Ондрей к морю. Когда он пришел к морю, и говорит:

— Сват Наум, а куда мы сейчас пойдем?

— Погоди, Ондрей, сейчас приплывет корабль, и мы поплывем на нем.

Вдруг ниоткуда возьмись корабль; приплывает шлюпка и перевозит его на корабль. Когда вступил он на корабль, то спросил:

— Сват Наум, ты есть?

— Есть, есть, я от тебя никуда.

Ну, на корабле не было никакого человека.

— Как же, сват Наум, у нас людей нет, кто у нас будет править? Нет ни штурманов, ни матросов.

То сват Наум сказал:

— Ложись спать, а я один управлюсь.

Вот Ондрей лег, поспал, встает. Говорит ему сват Наум:

— Ну, Ондрей, приплывем мы к одному острову, и на этот остров мы высадимся, поселимся то есть.

Вот они приплывают к одному острову. Сейчас спускается с корабля лодка, перевозит их на остров, а уж корабль исчез.

Они заходят на остров, остров стоял на море. Сват Наум и говорит:

— Вот что, Ондрей, на этом острове мы построим дворец и обнесем садами. Мимо острова пойдут три корабля, они зайдут к нам в гости.

Сейчас же сват Наум построил дворец, обнесли сады вокруг, и начали жить, продолжать жизнь вперед. И говорит ему сват Наум:

— Через два дня приплывут сюда три корабля. И они этакой редкости еще не видали, ходят тридцать лет мимо этого места, а жилья здесь не видали. И они как раз тут остоятся и придут к нам. На этих кораблях у капитанов есть три вещи, диковинки, которые нам нужно захватить с собой на обмен меня. Они согласятся, а я от тебя никуда. Когда мы их напоим, накормим, подпоим пьяненькими, они будут хвастать своими диковинками, и будут спрашивать у тебя: «Что у тебя за сват Наум?»

Вот как раз несколько времени проходит, и плывут три корабля. Сошлись все вместе и стали дивиться:

— Что такое, тридцать лет плавали, такой диковин-

ки не видали. Какой приехал сюда, построил дворец, надо посмотреть.

Вот они остановились — все три корабля, — все капитаны с матросами, штурманами, спустили лодки и поехали на гору.

Когда они приехали на гору, и заходят в этот дворец. Их Ондрей-стрелок встретил и сказал:

— Сват Наум, попить, поесть, угостить моряков, и скатерти бранные, напивки-наливки, разные заморские вина!

И это все было сделано. Сели гости за стол. Когда стали водочку выпивать, охмелились порядочно. Вот и начинают у него спрашивать:

— Что у тебя, Ондрей-стрелок, есть за сват Наум, какой он человек и давно ли ты поселился здесь на острове?

Он тогда им и говорит:

— Это есть сват Наум — мой друг, он исполняет все мои приказанья, и куда лишь хотел поселиться, туда бы с ним я и уехал.

— И что он за человек, как бы его посмотреть?

— Я не знаю, я и сам не видал его, он есть такой дух, что его никто не видит.

Когда напились эти гости, и стали хвастать. Один капитан и говорит:

— Да, Ондрей, у меня тоже есть диковинка: как захочу, у меня есть топор, скажу к дереву: «Топор, тяпляп и сделайся корабь». И в ту же минуту будет.

Тогда заговорил второй из капитанов:

— Да, у тебя ничего; ну, и у меня есть сабля такая. Если я приду к берегу и ударю вдоль воды, то сделается мост хрустальный. Ударю поперек воды, то ничего не будет. И ежели задумаю работать дворец, то иду на хорошую площадь, три раза обернусь вокруг саблей и сделаю такой дворец, какой только прикажу.

Тогда говорит третий капитан второму:

— Есть и у меня вещинка хорошая. Есть трубочка та-

кая: выйду я на поле, свистну, и сделается войска столько, что прикажу, то они и будут делать.

Когда все капитаны объяснили все истории, сват Наум и говорит Ондрею, зашептал на ухо:

— Слушай, Ондрей-стрелец, меняйся на меня, все эти вещи нам нужно, а я от тебя никуда; они согласятся.

Потом Ондрей-стрелок и говорит капитанам:

— Вот что, товарищи капитаны, давайте менять, я вам отдам свата Наума, а вы мне все эти вещи.

Капитаны подумали, поговорили между собой и, наконец, сказали:

— Ладно.

И так решили:

— Давайте, товарищи, сделаем так: идемте домой, привезем своих жен и будем жить на острове, а сват Наум нас будет кормить, работать нам ничего не надо.

Сейчас же отправились на корабли за вещами. Когда приехали на корабли, взяли вещи, и приехали опять на гору. А в это время сват Наум и говорит Ондрею:

— Когда они приедут, ты их стречай, напой их пьяными, а сам забирай вещи и иди на конец острова.

Вот когда они приходят, капитаны эти сели за стол, и пошла у них попойка.

Эти капитаны отдают ему вещи, а он и говорит свату Науму:

— Ну, сват Наум, ты теперь оставайся с капитанами, служи им, как и мне служил, а я теперь ухожу.

Распростился, получил вещи и пошел. Немного отошел и подумал:

— Сват Наум, ты есть?

— Я давно за тобой, а вот ты подожди, они немного попьют, потом заснут. Проснутся на голых камнях, больше ничего там не будет.

Капитаны эти до тех пор пили, что заснули.

Проснулись, вскочили, остались на голых камнях, нет ничего: ни дворца, ни садов, Ондрея и след простыл.

Когда Ондрей пришел в конец острова, и спрашивает свата Наума:

— Ну, сват Наум, что будем делать?

— Кажется, ты сам теперь знаешь. У тебя есть топор?

— Есть.

— Ну, и строй корабль.

Ондрей скоро время отыскал дерево, ударил топором:

— Ну, тяп-ляп, сделайся корабь.

В ту же минуту корабль был готов, уже стоял на воде.

Теперь он говорит:

— Ну, как же мы, сват Наум, теперь попадем на корабль?

— Ну, у тебя же есть вещь?

Берет саблю, ударил вдоль воды, сделался мостик. Перешли они на корабль, ударил поперек — убрали мостик, и поплыли они на корабле.

Вот они плыли, долго ли, коротко, низко ли, высоко, близко ли, далеко, и все плывут и плывут. Приплывает Ондрей в то же государство, из которого он вышел. И видит — самое оно. Когда они приплыли на рейду, Ондрей берет саблю, ударил вдоль воды — образовался мостик. Встали они, пошли на гору. Вышли на берег, идут по городу. Ондрей идет к тем жилищам, где его была комната. Когда увидал, взглянул на это место, то это место было сожженное все, на этом месте трава уже выросла.

Он взглянул и сказал:

— Ну, верно, погибла моя Елечка, сжег, безумец!

Тогда Ондрею было делать нечего, он стал спрашивать свата Наума:

— А что мы теперь, сват Наум, будем делать?

Сват Наум ответил ему:

— Строй дом, и найдется твоя Елечка.

Тогда Ондрей-стрелок берет саблю, обернул вокруг себя и говорит:

— Ну, постройся мне дворец, даже в три раза лучше царского!

И в эту же минуту дворец построился с надписью серебряной: «Ондрея-стрельца». Когда он увидал, что построен был дворец такой великолепный, то он с радостью пошел во второй этаж и начал ходить по комнатам. Наконец, зашел в спальню. Когда он зашел в спальню, открыл занавеску, то смотрит, Елечка спит на кровати. Он побудил ее, она открыла глаза, вскинулась и давай целовать его и сказала:

— Тебя ли я вижу, милый мой стрелок Ондрей?

— Меня, — ответил. — Пойдемте сейчас в залу, привальный сделаем обед, и я обскажу свое путешествие.

Когда они зашли в зало, садятся за стол, то она спросила:

— Ну, достал ли, Ондрей-стрелец, то, не знаю что?

Он и говорит:

— Достал.

Тогда говорит Ондрей:

— Ну-ка, сват Наум, — попить, поесть, повеселиться, накормить себя, меня и мою жену!

Вот она и начинает спрашивать:

— Сват Наум, кто ты такой есть, покажись-ко мне.

— Нет, Елена Прекрасная, я сроду никому не показывался. Я есть такой дух, меня никто не видит; я есть то, не знай что.

Больше она спрашивать не стала. Теперь спрашивает Ондрей:

— Так как, сват Наум, что же мы теперь будем делать, к царю ли ты пойдешь, или у меня будешь жить?

Отвечает сват Наум:

— Нет, Ондрей, я к царю не пойду, царь меня не достал, а достал ты, Ондрей-стрелок, и тебе буду служить. А с царем мы расправимся иначе.

Вот говорит ему сват Наум:

— Ну, Ондрей, бери трубочку, вроде табатырочки, и

пойдем в поле. Когда придем в поле чистое, свистни одиножды.

Так Ондрей берет трубочку и выходит в чистое поле. Когда он пришел на поле, то кряду же в трубочку свистнул, и появилось столько войска, что он не знает, нет ни убыли, ни прибыли.

Прискакивают к нему главные атаманы, поклонились в пояс.

— Что тебе надо, Ондрей-стрелок?

Он не знает, что им сказать. Тогда говорит сват Наум Ондрею:

— Прикажи им в город палить холостыма снарядами и вели вызвать царя самого или пусть присылает войско.

Да, когда царь услыхал такую опасную тревогу, то уж он растерялся и сам не знает, что делать. Присылает двадцать пять человек солдат в разведку, узнать, что им надо и какие пришли войска. Когда приехали эти солдаты, Ондрей спросил:

— Сват Наум, что нам с этими солдатами делать?

— А вот что: привязать двадцать человек волосами к траве, а пять отправить обратно, что столько нам не присылай. Присылай или войско, или приезжай сам.

Так и сделали.

Двадцать привязали, а остальных отправили с ответом.

Когда солдаты обратно вернулись к царю, обсказали такую тревогу, царь очень задумался, не знает, что ему делать. Наконец, решил ехать сам.

Когда приехал царь на поле, Ондрей-стрелок уже ждал его и говорит свату Науму:

— Сват Наум, что же мы будем сейчас принимать с царем?

Отвечает сват Наум:

— По-моему, с ним поступить просто: казнить его, а тебе поступить на царство.

Отвечает Ондрей:

— Нет, сват Наум, казнить я не намерен, зла помнить, а с ним лучше что другое сделать, и что он будет говорить.

Когда царь подошел к Ондрею-стрельцу, то очень испугался и стал просить помилованья.

— Ондрей-стрелец, что хошь делай со мной, но только моей головы не казни!

И увидел громадное войско.

— Мне не надо от тебя ничего, что ты принес или не принес ничего. Мне ничего не надо, только не казни ты меня!

— Ну, ладно.

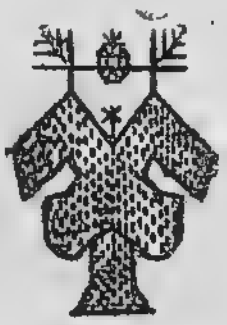
— Отдам я тебе престол, становись на престол, а я сойду.

Ну, он тогда сказал царю:

— Ну, ладно, оставляю я тебе жизнь, но будешь сорок лет в пастухах.

Потом свистнул два раза в трубочку, войско все унесло.

Вот они зашли в царские палаты, царь спокойно сдает ему все дела и сам поступил в пастухи. Тогда Ондрей-стрелец взошел на престол и стал играть свадьбу. Когда эта свадьба окончилась, тогда, конечно, стал он этим царством править до глубокой старости.



ПЕТР ИВАНОВИЧ РЯБИНИН-АНДРЕЕВ

Петр Иванович Рябинин-Андреев принадлежит к младшему поколению рода Рябининых, прославленных певцов русского былинного эпоса.

Родился он в 1905 г. в дер. Гарницы, Сенногубского сельсовета, Заонежского района. Еще мальчиком слышал он от деда, Ивана Трофимовича Рябинина, чудесные сказания, прославляющие силу и храбрость, удаль и отвагу, героические подвиги могучих русских богатырей. Былины нравились мальчику. Он готов был просиживать около деда целыми часами, слушать любимый былинный напев, ловить каждое слово, глубоко вникать в содержание каждой строчки. Так от деда перенята была им первая былина «Вольга Святославич и Микула Селянинович». По словам Петра Ивановича, она до сих пор хорошо держится в его памяти.

Исполнял былины и его отец, Иван Герасимович Рябинин. От него унаследованы следующие былины: «Бой Добрыни со змеем», «Добрыня Никитич в отъезде», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Худая жена, жена умная», «Королевич из Кракова», «Ставер Годинович и Василиса Микулична», «Илья Муромец и ссора с князем Владимиром».

Все детство Петра Ивановича Рябинина-Андреева прошло в дер. Гарницы. До 13-ти лет он выполнял мелкие работы по хозяйству: пас скот, ездил с отцом и дядей на рыбную ловлю, ходил на охоту. С 13-ти лет пахал, боронил, рубил дрова, ездил на мельницу, на лесозаготовки... После смерти отца работал сторожем и занимался извозом.

В 1927—28 гг. по приглашению Академии наук СССР П. И. Рябинин-Андреев вместе с талантливой сказительницей Настасьей Стапановной Богдановой-Зиновьевой посетил Москву, где успешно выступал с пением былин.

В 1932 году семья Рябининых вошла в колхоз. В деревне он ведет большую общественную работу, являясь активным пропагандистом-антирелигиозником.

П. И. Рябинин-Андреев — один из выдающихся современных носителей русского былинного эпоса.

Лучшими, бесспорно талантливыми произведениями Рябинина-Андреева являются былины: «О Сталине», «О Ворошилове», «О Чапаеве», «О Тойво Антикайнене».

Любовью к своей родине, любовью к ее вождям проникнуто поэтическое творчество молодого сказителя.

БЫЛИНА О ВОРОШИЛОВЕ

А в том ли году да восемнадцатом
Не остало я у нас да «царя-батюшки»,
«Царя-батюшки» — Николушки кровавого.
Собиралося большое совещание,
Как на этом совещании думу думали:
Как прогнать нам колчаковцев да Деникина,
Как расправиться со сворой Балаховича.
Говорит тут Ленин таковы слова:
«Ай же вы, удалы добры молодцы!
Как прогоним Колчака да мы Деникина,
Не оставим следа батьки Балаховича —
Так построим города да с пригородками,
Так построим-те же села да с приселками,
Чтобы было чем рабочему утешиться,
И над новою постройкой любоватися»...
Как ведь в эту пору, в тое времячко
Завязалась схватка не на жизнь-на смерть,
Не на жизнь-на смерть за землю пролетарскую.
Говорит тут Сталин таковы слова:
«Ай, товарищи, вы да трудовой народ,
Трудовой народ, да люди все рабочие!
Встаньте грудью на защиту своей родины,

Берегите свою родину, как мать дитя!»
Говорят тут рабочие таковы слова:
«Ай же ты, Иосиф свет Виссарионович!
Не дадим сорвать флаг красный со большой Руси,
Не дадим сорвать мы звезд со стен кремлевскиих,
Да не дадим в обиду Ленина да Сталина!».
Говорит тут Ворошилов таковы слова:
«А поеду я да во чисто поле,
А по-своему я с ними порасправлюся».
Скоро-наскоро он Ленину докладывал
О своей поездке на великий фронт,
Брал с собой он силушку несметную,
И поехал Ворошилов во чисто поле
С теми-ли бандитами расправиться.
Как поехал Ворошилов во чисто поле
А на три дорожки на крестовые,
А на тех-ли на дорожках, посреди поля,
А лежал тут камень цвета синего,
А на этом ли камени написано:
«Если прямо ехать, то убиту быть,
Если в леву руку ехать, то богату быть,
А если в праву руку ехать, то женату быть».
И стоит тут наш Климентий, пораздумался:
«А не хочется теперь да мне женату быть,
Не пора, не время играть свадебки,
Да и не надобно мне одному и золотой казны,
Да и не верю я, что быть убитому».
И поехал дорожкой прямоежжеей,
Прямоежжеей дорожкой к Дону тихому,
К Дону тихому, к Волге-матушке,
Да и проехал Ворошилов с юга к северу,
От востока проехал и до запада,
Со своей ли Красной Армией великоей.
Приочистили они да землю русскую,
Землю русскую от всякой нечисти,
А после же таких побед великих
Получил большое награждение,

А и звание он маршала народного,
Стал командовать он армией великою.
А теперь народ живет — дивуется,
Да на маршала первейшего любуется...

А прошло ведь поры-времячка немного лет,
Как одним ли утречком ранешенько,
А вставал наш Климентий да Ефремович,
Поглядел в хрустальное стеколышко
Да на яркое утреннее зарево,
И решил он тут поехать во чисто поле,
Пострелять ему хотелось гусей-лебедей,
Серых малых перелетных утенышей.
Умывается Климентий поскорешенько,
Взял с собой ружье он скорострельное,
Да и заходит во конюшню во стоялую,
Брал коня за повода шелковые,
Заседлал, поехал с широка двора,
С широка двора, да ко сине-морю.
Да и проездил молодец по день поры,
А по другой день с утра до победья,
Не наехал он на гусея, ни на лебедя,
Да на серого перелетного утеныша,
Повернул коня да во чисто поле,
И поехал обратно по чисту полю,
И завидел Климентий посреди поля,
Как работают во полюшке колхозники:
Не гнут спинушки они сохою-матушкой,
Да и не льют они пота по-старинушке.
Там работают комбайны да все тракторы,
И поля-то все широки — не охватит глаз.
Подъезжает Ворошилов к ним близехонько,
Говорит им славный маршал таковы слова:
«Здравствуйте-ко, люди вы советские,
А советские да стахановцы,
Труд на пользу вам, удалые колхознички!

Расскажите мне, удалы добры молодцы,
Добры молодцы, колхозные стахановцы,
Как на ваших на полях да на колхозных,
Как хлеба растут, да как трава цветет,
Много-ль нонче урожая вы получите?»
Отвечают тут колхозники да таковы слова:
«Ай же ты, Климентий да Ефремович!
Не укласть нам хлеб в склады широкие,
А широкие да глубокие,
Не убрать нам сено все в стога высокие, —
Столько сена, столько хлеба уродилося».
Говорят колхознички да таковы слова:
«Подойдет пора-тяжело времячко,
Мы поспеем Красной Армии на выручку,
Не дадим разбить да трудовой народ,
Не дадим разбить колхозы да с совхозами,
Да заводы наши, наши фабрики,
Отстоим мы грудью свою родину!»
А от тех ли слов от теплых
А возрадовалось сердце Ворошилова,
Да и возрадовалось сердце богатырское.
А на том былиночка покончилась.

ПЕРВЫЙ БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ

Как спородила Добрыню родна матушка
Да возрастила до полного до возраста,
Молодой Добрынюшка Микитинец
Он охочь был ездить в поле за охотою,
Да стрелял он в поле гусей-лебедей,
Серых малых перелетныих утенышей.
Говорила Добрыне родная матушка:

«Ай же, чадочко мое любимое,
Молодой Добрынюшка Микитинец!
А ты ездишь в поле за охотою,
А стреляешь ты в поле гусей-лебедей,
Серых малых перелетных утенышей,
Да не езди, Добрынюшка Микитинец,
Да не езди-ка на горы Сорочинские,
Не топчи-ка малых лютыих змеенышей,
Да не ездит-ка в Пучай реку купатися,
А Пучай река есть очень быстрая:
Первая струечка идет так быстрым-быстро,
А вторая струйка быстрей того,
Третья струечка идет так, как огнем сечет.

Да не бесчести-ка, Добрынюшка, замужних
жен,
Да не бесчести-ка, Добрынюшка, красных
девушек».

Молодой Добрынюшка Микитинец
Родной матушки своей не слушался.
Одевается Добрыня, снаряжается:
Одевает рубашечки-манишечки,
Одевает одежду все опальную,
А опальную одежду, да военную.
Брал с собой он саблю острую,
Свое длинное копье муржамецкое,
Да берет с собой тугой лук да разрывчатый,
Да набрал он много стрелочек каленых.
Выходил Добрыня на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Брал коня за повода шелковые,
Выводил коня он посреди двора,
Стал заседлывать коня да закольчуживать:
На коня накладывает войлучек,
А на войлучек подтягивал подпотничек,
На подпотничек сиделышко черкасское.
Заседлал тут молодец добра коня
Да и поехал молодец с широка двора,
С широка двора в раздольице чисто поле.
Да проездил молодец по день поры,
Да проездил молодец по другой день,
Да проездил молодец по третий день.
Не поехал он на гуся да на лебедя,
Да на серого перелетного утеныша,
Пропускал коня он богатырского,
Сам скочил на горы Сорочинские,
Да топтал он малых лютых змеенышей.
Этие-ли лютые змееныши
Подточили Добрынину добру коню
Ему резвые ноженьки по щеточкам:

У молодого Добрынюшки Микитенца
А конь на корзни да сподтыкается.
Так тут вспомнил Добрыня добру матушку:
«Не велела мне ведь родна матушка,
Она ездить на горы Сорочинские».
Так берет он в руки плеточку шелковую,
А он бил коня да по тучным бедрам,
По тучным бедрам меж ноги задние,
Его добрый конь да стал поскакивать,
Стал от ног змеенышей оттряхивать,
По колену в землю стал угрязывать.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Он спускался с той горы высокоей
Да во тое-ли раздольице чисто поле,
Сам поехал ко матушке Пучай реки.
Подъезжал ко матушке Пучай реки,
Становил коня на крутом бережке,
Сам сходил на матушку сыру землю,
Раздевал одежицу опальную
Да снимал рубашечки-манишечки.
Тут случилось быть на крутом бережке
Рукомойницам да беломойницам,
Они мыли платьица все белые.
Говорят дородню добру молодцу:

«Ай же ты, дородень добрый молодец!
А ведь в нашей матушке Пучай реке
Многи добры молодцы искупаются,
Они купаются в полотняных рубашечках».

Говорит Добрыня красным девушкам:
«Беломойницы, вы, да портомойницы,
А вы знайтет-ко да сами про себя,
Про Добрынюшку да вы не ведайте».
Сам Добрыня в речку бросился,
Стал нырять от бережка ко другому.
Захотелося Добрыне в другу струечку,
Заплывал Добрыня в другу струечку,

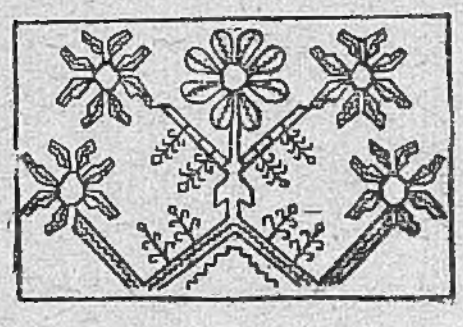
Стал нырять от бережка ко другому.
Захотелося Добрыне в третью струечку,
Заплывал Добрыня в третью струечку.
Как ведь в тую-ли пору, в тое времечко,
Как с-под той-ли западной сторонушки,
Что ль не шум шумит, да и не дождь дождит:
Налетела Змеинище-Горынище,
В четырех главах двенадцать хоботов,
Взлепетала языком человеческим:

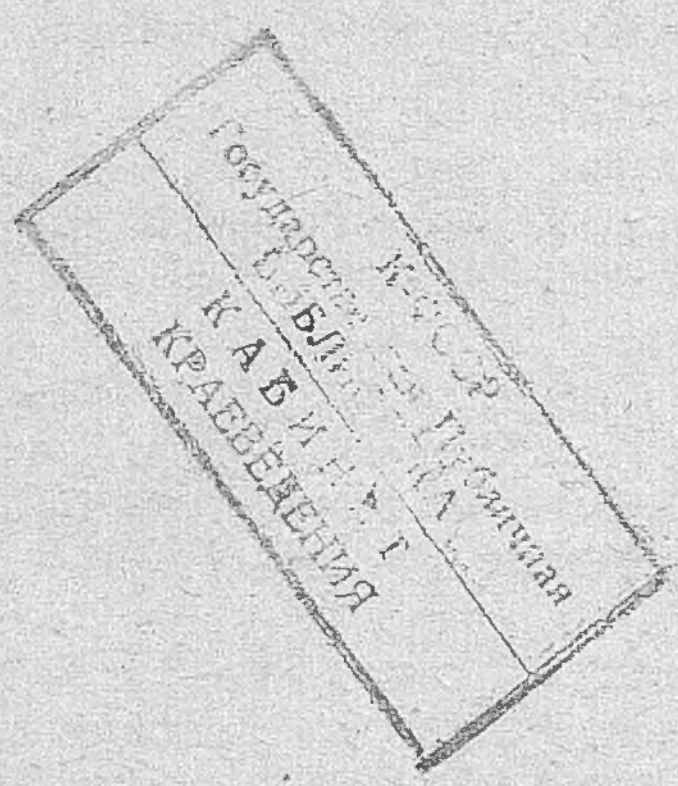
«А ведь многие стары люди мне пророчили,
Что побьет Добрынюшка змеинище,
А теперь Добрынюшка в моих руках,
Что я знаю над Добрыней, то я сделаю:
Хоть сейчас Добрынюшку в полон возьму,
Нет — сейчас Добрынюшку в себе пожру,
Нет — сейчас Добрынюшку огнем пожгу».
Она жгет Добрыне тело белое,
Она сыплет его искрой безутушноей.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Видит, дело есть тут нехорошее:
А пожрет его змеинище проклятое.
Так тут вспомнил Добрыня родну матушку:

«Не велела мне ведь родна матушка,
Она ездить во Пучай реку купатися».
Сам нырнул от бережка ко другому,
Поскорешеньку вскочил на крутой бережок;
Ничего вблизи тут не случилося,
Ему нечем со змеем да приоправиться.
Усмотрел колпачик земли греческой,
Он схватил колпак, да ему мал попал,
Ему мал попал — да ровно три пуда.
Он ударил змеинище по хоботам,
А он сбил змею да на сыру землю,
На сыру землю, да во ковыль траву.
Поскорешеньку вскочил на трудь змеиную,
Во руках он держит свой булатный нож,

Хочет он срубить ей головы змеиные,
Так тут эта змеинище проклятое
Взлепетала языком да человеческим:
«Ай же ты, Добрынюшка Микитинец!
Не руби-ка ты моих голов змеиных,
Не оставь сиротками змеенышей,
А мы сделаем записи великие:
«Не съеждяться, не слетаться нам в чистом
поле,
Да не делать боя-драки, кроволития».
Молодой Добрынюшка Микитинец
Поскорешеньку вскочил с грудей змеиных.
Они делали записи великие:
«Не съеждяться, не слетаться во чистом поле,
Да не делать боя-драки, кроволития».
Полетела змея да запокрякала:
«Как же сыта я сегодня пообедала».
Тут летела змея да через Киев-град,
Припадала ко князю на широкий двор,
Унесла его любимую племянницу,
Молодую Забаву дочь Путятичну.
Унесла ее на горы Сорочинские,
Да во тее-ли во норы во змеиные.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Одевает рубашечки-манишечки,
Одевает одежду все опальную,
Да садится Добрыня на добра коня,
Да и поехал ко городу ко Киеву.
Приезжал к себе он на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Сам сходил на матушку сыру землю,
Коня отдал паробкам любимыим,
Сам идет в палаты белокаменны.
Раздевал одежицу опальную
Да садился за столики дубовые,
Да на тее-ли скамеечки окольные,

Да поел он яствушек сахарныих,
Да попил он питвицев медвяныих.
Спать ложился на кроваточку тесовую,
Да на тую ли перинушку пуховую.
Опосля ведь он пути-дороженьки
Родной матушке ничем не хвастает.




КАБИНЕТ КРАЕВЕДЕНИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. От редакции 3
2. Ф. А. Конашков 5
3. Самое дорогое (сказка) 7
4. Про Илью Муромца и царя Калина (былина) 12
5. М. М. Коргуев 16
6. Смерть Чапаева (сказка) 19
7. Ондрей-стрелец (сказка) 24
8. П. И. Рябинин-Андреев 52
9. Былина о Ворошилове 54
10. Первый бой Добрыни со змеем (былина) 58

инв № 666

К-ФССР
Государственная Публичная
БИБЛИОТЕКА
КАБИНЕТ
КРАЕВЕДЕНИЯ

Редактор Н. Новиков. Технич. редактор С. Бабаев
Художники И. Черных и В. Агапов.

Сдано в набор 9/II-39 г. Подписано к печати 13/II-39 г..
Формат бумаги 70×110. 1/32 д. л. Изд. лист 1. Учетн.-авт. 3 л.
Зн. в печ. л. 30 т. Тир. 6000. Изд. № 36. Заказ № 383.
Упол. Главлита Карельской АССР № В—25 Цена 1 р. 20 к.

Гос. типография им. Анохина, Петрозаводск, Пушкинская 7.

1985

Цена 1 руб. 20 коп.